

Сергей Посохов

Харьковский национальный университет

Уставы университетов Российской империи XIX века, как законы и как символы

В. Вжосек сделал вывод о том, что „истина является культурно ангажированной”, что в процессе постижения других культур происходит импутирование понятных и близких нам культурных ценностей. В полной мере сказанное относится к процедуре прочтения документа. Другими словами, документ не только является воплощением культурных практик периода его написания, но каждый раз прочитывается по-новому в новых исторических условиях. Многие общественно значимые документы за время их существования „обросли” многими смыслами, породили различные образы, а последние порой превратились в симулякры, которые живут своей собственной жизнью. Вот почему важно анализировать варианты интерпретаций в „узкой” культурной среде, выявляя „модели читательского поведения”, и на этой основе реконструируя интеллектуальные сети и дискурсы внутри культуры.

К числу таких документов с широким интерпретационным шлейфом вне всякого сомнения принадлежат уставы российских университетов XIX в. В значительной мере это связано с тем, что они выступали не только в качестве законов, но и символов.

Уже первый университетский устав, подписанный императором Александром I 5 (17) ноября 1804 г., стал играть такую роль. В частности, он был включен в ритуалы саморепрезентации университетов. Академические шествия, торжественные богослужения, использование мантий и академических регалий, исполнение соответствующих музыкальных произведений, присутствие почетных гостей на университетских торжествах – все эти церемонии и культурные формы достаточно давно укоренились в практике европейских университе-

тов¹. В XVIII веке после определенной полосы критики все эти торжественные формы саморепрезентации пережили период возрождения на новых идейных основаниях и в ряде случаев приобрели дополнительную публичность. Собственно первыми выраженными формами саморепрезентации российских университетов стали торжественные инаугурации в момент открытия университетов, во многом являвшие собою подражания европейским торжествам подобного рода.

В частности, Харьковский университет был торжественно открыт 17 января 1805 г. Церемония была приурочена к общему собранию дворянства губернии. Торжества продолжались три дня и включали торжественные процессии, молебны, речи попечителя, епископа и профессоров (на латинском, русском и французском языках), вручение от имени государя императора шпаг первым студентам, иллюминацию, бал, обеды и гуляния. Как отмечал Д. И. Багалей: „Это не было официальное открытие нового учебного заведения. Это был настоящий „праздник просвещения“ для города, для всей Украины и даже для „полуденного“ края России”². Это было первое в Украине нового времени массовое действо, поистине народная манифестация, настоящий праздник просвещения. Все слои населения с воодушевлением отнеслись к этому событию. Объявления о торжестве были вывешены в разных частях города, а университетские профессора, со своей стороны постарались продумать всё так, чтобы празднество вышло как можно более эффектным и торжественным (церемониал был составлен профессором И. Ф. Тимковским на основе проекта В. Н. Каразина). Особое внимание было уделено Высочайшей грамоте об основании университета: она лежала перед портретом Императора, затем ее несли во главе процессии. Свое почетное место было отведено и уставу. Об этом свидетельствует описание торжеств: „Два протоиерея встретили процессию при входе в ограду [соборной церкви] и почтили каждением Высочайшую грамоту, несомую при двух ассистентах одним из профессоров, из рук которого на пороге церкви принял ее преосвященный епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор Сулима и положил ее на приготовленный для того в церкви стол. ... По окончании литургии прочтена Высочайшая грамота и последовало благодарственное молебствие с многолетием, причем процессия при колокольном звоне во всех церквях отпрати-

¹ R. van Ditzhuyzen, *Selbstdarstellung der Universität. Feiern und Zeremoniell am Beispiel der Doktorpromotionen*, [w:] *Universität im öffentlichen Raum*, Bazylea 2008, s. 49–50.

² Д. И. Багалей, *Опыт истории Харьковского университета: В 2 т.*, Charków 1893–1898, т.1, s.190.

лась в университетский дом прежним порядком, за исключением того, что Высочайшая грамота в крестном ходе несена была среди духовенства, за которым следовали г. попечитель, губернатор, губернские чины, дворянство и проч. В зале, предназначенном для публичных собраний, Высочайшая грамота была принята и положена пред портретом Его Императорского Величества на стол, на котором лежал уже устав”³.

Алгоритм саморепрезентации университета, заданный инаугурациями, продолжал действовать и в дальнейшем. Собственно, момент торжественного открытия в ряде случаев превратился в День университета, хотя традиция празднования этого дня установилась не сразу. Но главное, постепенно выработался некий ритуал такого рода университетских торжеств. Своя роль по-прежнему отводилась в этих ритуалах и уставах. Так, в Казанском университете в торжественный день 5 ноября выносили „ковчег из цельного красного дерева” с утвердительной грамотой и уставом⁴. Эти внешние формы придавали торжествам в некотором роде даже сакральный характер и свидетельствовали о патриархальных нравах и устойчивом монархизме. Однако в этом была и определенная „театральность”, присущая не только XVIII, но и XIX ст., которая выражалась в особенной важности внешних приемов, внешней эстетике. Но отметим также влияние идей эпохи Просвещения, акцентировавшей внимание на роли разума и разумных законов, а также напомним, что в начале XIX в. идея Конституции проникла и в российское общество.

В последующем (с середины XIX в.) такая театральность постепенно уходит в прошлое и какие-либо ритуальные действия с текстом устава нам неизвестны, но это не значит, что устав перестал выступать в качестве символа. Напротив, наступление полосы Великих реформ было ознаменовано именно активным обсуждением проекта университетского устава (принят в 1863 г.). С этого времени понимание устава тесно связано с понятием „автономия” и весьма символично. Прежде всего, такой акцент на роли устава стали делать представители самого университетского сообщества. И это не случайно, ибо „университетская автономия” ассоциировалась и ассоциируется с такими понятиями, как „свобода”, „независимость”, „права личности”, которые, собственно, и формируют так называемую „идею университета”, а права, как известно, фиксируются в законе.

³ Там же, с. 193, 196–197.

⁴ Н. Булич, *Из первых лет Казанского ун-та (1805–1819)*, Sankt Petersburg 1904, cz. 1, s. 364, 367.

Однако если мы попробуем разобраться с историческими формами этой свободы применительно к университетам Российской империи, то столкнемся с немалыми трудностями. Уже в дореволюционной публицистике можно найти противоположные мысли как о сути автономии, так и относительно факта ее наличия в университетах. В последующем спектр мнений еще более расширился. В ходе идейной борьбы сталкивались различные образы автономии. В своей основе они определялись пониманием механизмов взаимодействия общества и университета, социальных функций последнего.

Действительно, понятие автономии достаточно сложное для определения. Однако не будет преувеличением, если его сердцевинной считать самоуправление. В связи с этим особое значение приобретают оценки университетских уставов. Некоторые современные исследователи называют уставы „конституциями” университетской жизни, считая, что именно они защищали четкую систему прав и обязанностей внутри университетского сообщества и по отношению к окружающему миру. Насколько такой взгляд был присущ самим универсамтам и авторам предшествующего времени?

В советской историографии сложилось мнение, что в дореволюционный период роль уставов абсолютизировалась. Действительно, если просмотреть работы по истории отдельных университетов или более-менее обобщающие труды этого периода, которые затрагивают историю университетов, бросается в глаза уже периодизация, построенная на уставах⁵. Многочисленные дискуссии по университетскому вопросу также разворачивались вокруг тех или иных изменений в уставах. Характеристики, которые давались определенным этапам истории университетов Российской империи, также в значительной мере базируются на положениях уставов. Прежде всего, это объясняется формально-юридическим подходом, который был весьма распространен тогда не только среди исследователей-правоведов. И всё же, единодушия при определении роли университетских уставов в это время не наблюдается. Было немало авторов, которые вообще отрицали решающую роль уставов для университетов. Рассмотрим подробнее позиции сторон.

Уже во время обсуждения проекта устава 1863 г. прозвучали мысли об особенном значении уставов для нормальной университетской жизни. Так, Совет Харьковского университета отметил, что необхо-

---

⁵ Patrz: С.І. Посохов, *Проблеми періодизації історії російських університетів XIX – початку XX ст.*, [w:] *Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник*, Charków 2002, wyd. 5.

димо создать условия, когда бы университетский устав уважало „губернское, военное и гражданское начальство”, „чтобы предупредить на будущее время преступные попытки против прав университетского сословия”⁶. Однако чаще роль уставов показывалась на конкретных примерах, при характеристике того или иного устава⁷. Как известно, в истории российских императорских университетов было четыре устава, которые были приняты в 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. При всей пестроте оценок (а иногда встречаются противоположные характеристики даже среди представителей одного идейного круга) постепенно укрепились достаточно стойкие, можно сказать стереотипные, их трактовки. В частности, в либеральной публицистике закрепился взгляд на университетские уставы 1804 и 1863 гг. как на такие, что предоставляли автономию, и на уставы 1835 и 1884 гг. – как на консервативные, лишавшие университеты автономии (Д. И. Каченовский, В. А. Воробьев, П. Н. Милюков, В. И. Вернадский). Иногда это противопоставление даже специально усиливалось. Такие особенности публицистики и историографии были заметны уже современникам. В. И. Вернадский обратил внимание на то, что ненависть к уставу 1884 года привела к тому, что его предшественник – устав 1863 г. – предстал в „необычайном сиянии и идеале”⁸.

Консервативно настроенные авторы занимали другую позицию при оценках роли уставов. С одной стороны, они с одержимостью боролись против устава 1863 г., считая, что именно он внёс разлад в университетскую (да и не только) жизнь (Н. А. Любимов, М. Н. Катков). Как писал Н. А. Любимов: „Система „невмешательства”, принятая по отношению к университетам правительственной властью во исполнение устава 1863 года, привела на практике к нынешнему отчуждению университетов от правительственной власти и породила значительную корпоративную ревность”⁹. Следствием действия этого устава он считал возникновение „деспотизма самоуправления”¹⁰. С другой стороны, эти авторы стремились нивелировать разницу в уставах, отмечая, что дело не только в них. Так, Д. С. Левшин считал, что противопоставлять уставы 1804 и 1835 гг. неправильно, он отмечал, что

⁶ Замечания на проект общего университетского устава императорских российских университетов, Sankt Petersburg 1862, cz. 1, s. 296.

⁷ Charakterystyka tych poglądów na konkretne statuty, patrz: P. Г. Эймонтова, *Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века*, Moskwa 1993, s. 8–13.

⁸ В. И. Вернадский, *Об основаниях университетской реформы*, Moskwa 1901, s. 1.

⁹ Н. А. Любимов, *Мой вклад*, Moskwa 1881, s. 560.

¹⁰ Tamże.

устав 1863 г. соответствует „коренным началам” устава 1835 г.¹¹ С последним, в определенной мере, соглашался Н. А. Любимов, подчеркивая, что отличия (с точки зрения возможностей влияния на университет со стороны власти) не имеют радикального характера¹². Н. П. Гиляров-Платонов, в отличие от предыдущих авторов, даже считал, что недостатки в деятельности университетов вряд ли являются следствием устава 1863 г.¹³ По его мнению, „голые формы университетского устава, которые, как бы ни были хороши, сами в себе еще не заключают условия, чтоб в них дышала действительная жизнь”¹⁴. В начале XX в. такие мысли встречаются все чаще. Так, в одной из статей, которая имела характер воспоминаний, достаточно категорично отмечалось, что „устав имел для жизни университета мало значения, оно в большей мере определялось другими факторами”¹⁵.

Важно отметить, что авторы разных идейных направлений соглашались относительно того, что изменения уставов происходили по причинам, которые имели отдаленное отношение к образованию и науке¹⁶. Начиная с К. Д. Кавелина¹⁷, на страницах периодики так или иначе звучала мысль о том, что не благодаря уставам, а многим историческим условиям, университеты приходят в упадок или развиваются. Достаточно четко она была высказана В. С. Иконниковым в его известной работе „Русские университеты в связи с ходом общественного образования”: „время имеет свои права, и, помимо уставов, влияет на их [университетов. – С. П.] положение”¹⁸. Леворадикальные публицисты вообще готовы были признать проблему уставов несущественной. Этот вывод станет широко распространенным на следующем этапе изучения проблемы.

Кардинальные изменения в историографии истории университетов произойдут в советскую эпоху. В прошлое отошла автономия университетов, и университетская демократия стала характеризоваться

¹¹ *Замечания на проект...*, s. 361, 365.

¹² Н. А. Любимов, *dz. cyt.*, s. 5.

¹³ Н. П. Гиляров-Платонов, *Университетский вопрос*, Sankt Petersburg 1903, s. 119.

¹⁴ Там же, s. 10.

¹⁵ Р. И. Сементовский, *Устав и наука*, „Исторический вестник” 1911, № 3, s. 1004.

¹⁶ П. Капнист, *Университетские вопросы*, Sankt Petersburg 1904, s. 11; В. А. Воробьев, *К истории наших университетских уставов*, „Русская мысль” 1905, № 12, s. 187 i in.

¹⁷ К. Д. Кавелин, *Устройство и управление немецких университетов*, [w:] Tenże, *Собрание сочинений*, Sankt Petersburg 1899, t. 3, s. 93 (artykuł pierwotnie opublikowano w 1865 г.).

¹⁸ В. С. Иконников, *Русские университеты в связи с ходом общественного образования*, „Вестник Европы” 1876, № 10, s. 114.

как „буржуазная”. Университетские уставы назывались „плохой копией немецких”, они начали трактоваться как средство притеснения („феодальные тиски устава 1884 года”¹⁹). Относительно системы управления распространенной стала мысль о том, что она была „построена на самовластье, на прямом давлении административного центра”²⁰. Среди первых попыток марксистского подхода к данному вопросу исследователи называют работу М. К. Корбута по истории Казанского университета. В уставе 1863 г. он видел лишь уступку правительства, которую объяснял соотношением классовых сил. Находя в уставе „зачатки” автономии профессорской коллегии, он утверждал, что эта уступка была менее значительной, нежели это виделось либеральным авторам. Сопоставляя закон с положением дел, он делал вывод о том, что устав был „сам по себе”, а жизнь „сама по себе”, что реально действующим его никто и никогда не видел, поскольку правительство сразу забрало свою уступку последующими распоряжениями²¹. Характерным является и вывод В. И. Орлова об отсутствии принципиальной разницы между уставами 1863 и 1884 годов. По его мнению, лишь определенного рода слепота позволяет видеть центральную идею устава 1863 г. в автономии профессорской корпорации²². Нивелирование роли уставов в жизни университетов в советской историографии выявилось уже в том, что периодизация по уставам была отвергнута. В соответствии с новыми постулатами, в основу периодизации истории университетов были положены „этапы освободительного движения”, или же „этапы кризиса общественного строя в Российской империи”. Потому нередко в трудах по истории университетов отдельные главы так и назывались (например, „Харьковский университет в период разложения крепостничества и развития капиталистических отношений (1805–1860 гг.)”, „Университетский вопрос в период второй революционной ситуации”)²³. Характерными являются фразы о том, что „жизнь российских университетов формально регулировалась уставом”²⁴, что устав 1863 г. был

¹⁹ *Народна освіта на Україні*, в.м. 1924, s. 2.

²⁰ Там же, s. 7.

²¹ М. К. Корбут, *Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05–1929/30*, Казань 1930.

²² В. И. Орлов, *Студенческое движение Московского университета в XIX столетии*, Moskwa 1934.

²³ *Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет*, Charków 1955; Г. И. Щетинина, *Университеты в России и устав 1884 года*, Moskwa 1976; i in.

²⁴ Р. Г. Эймонтова, *Русские университеты на грани двух эпох*, Moskwa 1985, s. 38.

„нежелательной уступкой”²⁵, что разница между уставами (в данном случае имеются в виду уставы 1804 и 1835 гг.) была незначительна и университетское самоуправление с самого начала имело призрачный характер²⁶. Для советской историографии стал характерным поиск примеров постоянного нарушения устава со стороны правительства. Соответственно весьма распространенным стало утверждение о том, что уставы „в полном объеме” действовали очень недолго. Впрочем, хотя и была отмечена „научная безосновательность либерально-буржуазного толкования университетских уставов”²⁷, в обобщающих трудах и учебниках постепенно возрождался тезис о двух либеральных и двух консервативных уставах.

О том, что уставы утратили былое значение для университетского сообщества свидетельствует тот факт, что были утрачены не только оригинал Утвердительной грамоты (который свято хранился ранее), но и специально напечатанные экземпляры первого устава.

Образы университетов, которые возникли десятилетия тому назад, и сегодня продолжают существовать в научной литературе. В ряде случаев мы можем говорить не только о научной преемственности, но и о культурном наследовании. Особенно это касается противопоставления уставов, о чем уже шла речь. Как пишет Ю. В. Краснова, это „два различных по своему духу университетских устава – 1863 и 1884 гг.”. Первый она называет „либеральным”, второй – „мертвящим”²⁸. Подобное противопоставление лежит в основе утверждения о том, что в системе высшего образования происходило последовательное колебание от одного полюса к другому, когда авторитарность и автономия сменяли друг друга²⁹.

Как и ранее, некоторые исследователи видят в уставах наглядные примеры того, как правительственные чиновники осуществляли попытки поставить университеты под свой контроль³⁰. Именно

²⁵ Г. И. Щетинина, *Университеты и общественное движение в России в пореформенный период*, „Исторические записки” 1969, т. 84, с. 172.

²⁶ Р. Г. Эймонтова, *Русские университеты на грани...*, с. 40.

²⁷ Р. Г. Эймонтова, *Университетская реформа 1863 г.*, „Исторические записки” 1961, т. 70, с. 164.

²⁸ Ю. В. Краснова, *Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях современников (70-е гг. XIX – начало XX в.)*, „Вестник Челябинского университета” сер. 1: История, 2002, № 2, с. 100.

²⁹ *Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года*, Москва 1995, с. 261.

³⁰ Д. Г. Горин, *К вопросу о „профессорской культуре” России XIX – начала XX в.*, [w:] *Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков*, Briańsk 1996, с. 44.

это имеется в виду, когда идет речь о том, что „в России весь строй жизни императорских университетов и всех высших учебных заведений жестко регламентировался правительственными Уставами”³¹. Тот факт, что „университеты законодательно полностью подчинялись самодержавию”, трактуется как одна из причин противостояния университетов монархии³².

Как и ранее говорится о постоянном нарушении принципов устава циркулярами министерства, отмечается, что „временные инструкции оказывались сильнее закона”, и тем самым подчеркивается, что „авторитарная власть не могла примириться даже с тенью университетской автономии”³³. В другом случае пишется, что, скажем, устав 1863 г. „просуществовал три – четыре года”³⁴. Понятно, что в основе таких рассуждений лежит уже известный тезис о несовместимости этого либерального устава с самодержавием, о его „обреченности”³⁵. Однако, в отличие от предшествующего историографического этапа, все же такие высказывания иногда сопровождаются ремаркой, что „профессорскому сообществу удавалось отстаивать в уставах университетскую автономию”³⁶. Значительно больше авторов теперь подчеркивают важную роль устава 1863 года³⁷. По словам одного из них, он был „передовым во всех отношениях, в сравнении с ведущими университетскими странами”³⁸. Впрочем, также немало исследователей продолжают отмечать, что устав предоставил „ограниченную”, „известную”, „своего рода” автономию³⁹. Особенно устой-

³¹ Н. Олесич, *Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета*, Sankt Petersburg 1999, s. 88.

³² Там же.

³³ Р. Г. Эймонтова, *Русские университеты на путях...*, s. 198.

³⁴ *Київський університет імені Тараса Шевченка. Сторінки історії і сьогодення*, Київ 1994, s. 30.

³⁵ Л. М. Искра, Б. Н. Чичерин и университетская реформа 1884 г., [w:] *Российские университеты в XIX – начале XX века*, Woroneż 1993, s. 104.

³⁶ Д. Г. Горин, dz. cyt., s. 44.

³⁷ Н. А. Григорьян, *Великие русские ученые о реформе образования и науки*, „Вестник РАН” 1993, t. 63, № 2, s. 107; *Реформы Александра II*, Moskwa 1998, s. 33; *История Казанского университета*, Kazań 2004, s. 129.

³⁸ Е. А. Писарева, *Організаційно-правові основи діяльності університетів Російської імперії другої половини XIX ст.. (на матеріалах України)*, autoreferat na st. kand. nauk prawnych, Charków 2001, s. 1.

³⁹ А. Е. Иванов, *Варшавский университет в конце XIX – начале XX века*, [w:] *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.)*, Warszawa 1995, s. 198; Л. А. Вербицкая, Г. А. Тишкин, *Петербургский университет в истории русской культуры*, [w:] *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета*, Sankt Petersburg 2000, t. 8, s. 13; Г. Н. Крыш, *Университетская молодежь Украины в начале XX века*,

чивыми оказались характеристики уставов 1835 и 1884 годов. Их продолжают называть „реакционными”, связывая с ними соответствующие „контрреформы”, которые означали „ликвидацию” („уничтожение”) автономии и „узаконение полицейского надзора”⁴⁰. Наиболее резкие оценки по-прежнему звучат в адрес устава 1884 г. Считается, что он не только лишил университеты „минимальной автономии”⁴¹, „унизил профессию”, но и продемонстрировал совсем иное понимание власти и права⁴². С ним связывают политические, а не педагогические цели⁴³. Делается вывод, что он принес значительный вред университетам и науке в целом, поскольку отменил традиционные атрибуты академических свобод⁴⁴. Важно отметить, что для подтверждения этого вывода, современные исследователи приводят высказывания либеральной профессуры второй половины XIX – начала XX вв. Преимущество образов очевидна.

Однако новый историографический этап принес и новые идеи. В частности, некоторые исследователи начали отходить от односторонних оценок устава 1835 г.⁴⁵ А. Ю. Андреев обосновал вывод о том, что устав 1835 г. „стал шагом вперед на пути дальнейшей модернизации российских университетов”⁴⁶. Другие авторы отмечают, что устав 1863 года не отрицал, а продолжал линию предшествующе-

---

[w:] *Класичні університети – центри освіти, науки і культури регіонів: традиції та сучасність: Матер. Міжнар. науково-практ. конф., Дніпропетровськ 2003*, s. 94.

⁴⁰ А. В. Афонюшкина, *О правительственной политике России 20 – 40-х годов XIX в. В области университетского образования*, [w:] *Российские университеты в XIX – начале XX века*, Wrogonę 1993, s. 9; Н. А. Григорьян, dz. cyt., s. 106; Е. С. Ляхович, А. С. Ревушкин, *Университеты в истории и культуре дореволюционной России*, Tomsk 1998, s. 106; Н. Олесич, *Господин студент Императорского Санкт-петербургского университета*, Sankt Petersburg 1999, s. 73; *Історія Одеського університету (1865 – 2000)*, Odessa 2000, s. 51; М. В. Поляков, В. С. Савчук, *Класичний університет: еволюція, сучасний стан, перспективи*, Kijow 2004, s. 114.

⁴¹ *Історія Одеського університету (1865–2000)*, Odessa 2000, s. 12.

⁴² А. В. Антощенко, *История одной отставки*, [w:] *Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории*, Moskwa 2002, wyd. 4, s. 247.

⁴³ А. Г. Глебов, П. Г. Виноградов об „университетском вопросе” в России начала XX в., [w:] *Российские университеты в XIX – начале XX века*, Wrogonę 1993, s. 132.

⁴⁴ А. Вучинич, *Русская наука в эпоху кризиса: 1890–1910 гг.*, „Вопросы истории естествознания и техники” 1993, № 3, s. 4.

⁴⁵ Л. П. Лаптева, [Рецензия], „Славяноведение” 1998, № 3, s. 103, Рец. на кн.: Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.), Warszawa 1995, 205 ss.; В. Хотеевков, В. Чернета, *Граф С. С. Уваров – министр и просветитель*, „Высшее образование в России” 1996, № 2, s. 151.

⁴⁶ А. Ю. Андреев, „Гумбольдт в России”: *Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века*, „Отечественная история” 2004, № 2, s. 50.

го устава, а именно „укрепляя возрастающую роль представительских органов, в целом усиливал роль государства в университетском строительстве”⁴⁷. Такой же мысли придерживается и американский историк российских университетов С. Кэссоу: „непосредственный смысл Устава 1863 г. заключается не в „либерализации”, а в развитии понятия „государственный университет”⁴⁸. Тем самым исследователи сделали шаг в сторону от трактовки данного устава как такого, который, развивая самоуправление, ограничивал роль государства в организации многоплановой деятельности университетов.

Но, безусловно, большую роль в переосмыслении роли уставов в университетской жизни имеют новые оценки устава 1884 года. Современные авторы стремятся отойти от односторонних характеристик своих предшественников и посмотреть на него с различных точек зрения. Достаточно частым явлением стало замечание о том, что его нельзя оценить однозначно⁴⁹. В частности, отмечается, что в уставе „снова был сделан шаг вперед на пути к классическому университету..., а, с другой стороны, управление университетом загрузило в бюрократическом контроле”⁵⁰, подчеркивается, что „введение устава 1884 г. нельзя рассматривать однозначно как политическое мероприятие, которое не имело отношения к улучшению учебного процесса”⁵¹. Отошли некоторые авторы и от взгляда на этот устав как на такой, что совсем ликвидировал университетскую автономию. Отмечается, что „устав сохранил ряд важных функций этой автономии”⁵². Сделаны любопытные наблюдения о том, что в Положе-

⁴⁷ Третий университетский устав, оргас. Ю. Галкин, Ф. Григорьев, В. Колесников, Е. Олесеюк, „Высшее образование в России” 2001, № 6, с. 135.

⁴⁸ С. Кэссоу, *Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения*, [w:] *Великие реформы в России, 1856–1878*, Moskwa 1992, s. 322.

⁴⁹ Л. М. Искра, Б. Н. Чичерин и университетский вопрос в России в конце XIX – начале XX века, [w:] *Российские университеты в XVIII – XX веках*, Woronež 1998, wyd. 3, s. 78; И. В. Чесноков, *К вопросу о влиянии устава 1884 года на университетское историческое образование в России*, [w:] *tamże*, Woronež 1999, wyd. 4, s. 67.

⁵⁰ А. Андреев, „Національна модель” університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії, [w:] *Схід / Захід. Історико-культурологічний збірник*, wyd. 7: *Університети та нації в Російській імперії*, Charków–Kijów 2005, s. 102.

⁵¹ Г. О. Струкова, *Вплив статуту 1884 р. на постановку навчального процесу в Харківському університеті*, „Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна” seria: *Історія*, Charków 2001, wyd. 33 (№ 526), s. 246.

⁵² *История Казанского университета*, Kazan 2004, s. 179.

ние о высшей школе СССР вошел ряд позиций устава 1884 г.⁵³, что учебный процесс в эмигрантских учебных заведениях Праги и Харбина был построен на основе положений устава 1884 г.⁵⁴ В результате логичным представляется вывод, сделанный В. И.Чесноковым: „И в дореволюционной, и в советской литературе ... муссировался сюжет об университетских уставах, либеральных и так называемых чугунных, без оглядки на тот очевидный факт, что жизнь университетов развивалась и в силу внутренних традиций и преемственности опыта. Абсолютизируя роль уставов в развитии университетов, историки-марксисты по сути дела шли по пути критикуемой ими государственно-юридической школы в историографии. Что касается пресловутых чугунных уставов 1835 и 1884 г., то и в условиях их действия университеты развивались вполне нормально, готовили прекрасных профессоров и деятелей науки и давали необходимое образование студентам”⁵⁵.

Однако при том, что такие характеристики не только несколько уравнивали университетские уставы разных лет, но и объективно понизили их роль в организации университетской жизни, можно сказать, что, в целом, в литературе возродился взгляд на уставы как на основной закон университетов. В ряде случаев само слово стали писать с большой буквы, возродилась периодизация по уставам (как пишется в одном из юбилейных изданий, „в дореволюционный период гранью между этапами развития были, как считает авторский коллектив, в первую очередь, университетские уставы, утверждаемые высшей властью, которые в гораздо большей степени влияли на внутри университетскую жизнь, чем классовые противоречия, а в советское время – переломные моменты истории страны”)⁵⁶.

В то же время нельзя не заметить противоречий иного рода. С одной стороны, утверждается, что основным принципом университетских уставов была мелочная регламентация деятельности высших учебных заведений, которая не оставляла им и тени самостоятель-

---

⁵³ В. И. Искра, *Владимир Иванович Чесноков как ученый*, [w:] *Российские университеты в XVIII–XX веках*, Voronež 2002, s. 17.

⁵⁴ Е. Э. Платонова, *Революция и поиски своего пути вузовской интеллигенцией и студенчеством*, [w:] *Феномен российской интеллигенции. История и психология: Матер. Междунар. науч. конф.*, Sankt Petersburg 2000, s. 92.

⁵⁵ В. И. Чесноков, *Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов*, [w:] *Российские университеты в XVIII–XX веках*, Voronež 2002, wyd. 6, s. 144–145.

⁵⁶ *История Казанского университета...*, s. 5.

ности⁵⁷. С другой, делается замечание, что сама профессура хотела, чтобы в уставе детально были прописаны правительственные обязательства в отношении численности штата, прав совета и факультетов⁵⁸. В литературе высказана мысль о том, что „законодательство отражало не столько состояние дел и потребности высшего образования, сколько особенности правительственного курса; отсюда его спорадичность, мелочность, бессистемность”⁵⁹. Весьма интересна мысль о том, что особое значение, которое придавалось уставу, объясняется не только финансовой зависимостью университетов от государства, но и тем, что в России, в отличие от других стран, не было длительной традиции университетского образования, когда общественное мнение играет роль бастиона, защищающего от чрезмерного вмешательства государства, соответственно, „доверие было заменено уставом”⁶⁰.

Таким образом, постсоветская эпоха в исследовании данного вопроса выразилась в замечаниях о том, что тот или другой устав не следует оценивать однозначно. Наблюдается стремление взглянуть на уставы не только с точки зрения системы управления. Сделан вывод о том, что в начале XX в. в России сформировалась своеобразная система управления высшей школой, которая включала элементы и централизации, и децентрализации⁶¹.

По нашему мнению, при проведении дальнейших исследований, следует иметь в виду, что на протяжении XIX века существенно изменилось место университетского устава в правовом поле. Если в начале XIX в. устав фактически был основным законом университетской жизни, то в последующем он постепенно становился скорее декларацией, которая находила свое пояснение в других законах и многочисленных циркулярах. То есть, ограниченное количество его положений, по мере возрастания государственного вмешательства во все сферы жизни, а также расширения университетской сети и университетских задач, просто не было способно эффективно регулировать процессы в университете и вокруг него. Некоторые положения были слишком общими, другие – чересчур мелкими. В послед-

⁵⁷ А. Е. Иванов, *Высшая школа России в конце XIX – нач. XX века*, Moskwa 1991, s. 174.

⁵⁸ С. Кэссоу, dz. cyt., s. 323.

⁵⁹ И. М. Чиркова, *Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века*, [w:] *Российские университеты в XVIII–XX веках*, Woroneż 2000, wyd. 5, s. 67.

⁶⁰ С. Кэссоу, dz. cyt., s. 323.

⁶¹ *Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г.*, Moskwa 1995, s. 242.

нем варианте это приводило к тому, что через некоторое время та или другая позиция становилась неактуальной. Неудивительно, что, по подсчетам А. Е. Иванова, на 1913 г. были откорректированы 42 статьи из 149 в уставе 1884 г.⁶² (хотя такие изменения объясняют политической конъюнктурой, которая постоянно изменялась⁶³, по нашему мнению, в основе этого процесса было, прежде всего, несоответствие между уставом и другими законодательными актами). Безусловно, такие постоянные изменения не могли не сказаться на значении устава, роль которого в организации университетской жизни падала. Устав со временем становился скорее символом (хотя и весьма важным). Не удивительно, что уже до революции авторы существенно расходились при характеристике направленности конкретных университетских уставов, кто-то их объединял, а кто-то противопоставлял. По-разному воспринимался университетский устав и в различной социально-политической среде. Для профессоров университета это был символ самоуправления, для правительства – символ децентрализации, для либеральных общественных деятелей – прообраз конституции, для леворадикальной оппозиции – символ обмана.

Так или иначе, дискуссии вокруг уставов – это, прежде всего, дискуссии по проблемам самоуправления, но не только. В значительной мере „прочтение” того или иного устава зависело и зависит от понимания социальной роли университета как такого и тенденций общественного развития в целом. Можно констатировать, что со временем университетский устав из символа автономии университетской корпорации превратился в символ соответствующей университетской политики правительства.

Siergiej Posochow

Statuty uniwersytetów Imperium Rosyjskiego XIX wieku jako prawa i symbole

Streszczenie

Artykuł skupia się na jednym z rodzajów dokumentu, które są szeroko rozprzestrzenione i mają kontekst międzynarodowy – statutach rosyjskich uniwersytetów XIX wieku. W dużym stopniu jest to związane z tym, że statuty funkcjonowały nie tylko w roli praw,

⁶² А. Е. Иванов, dz. cyt., s. 174.

⁶³ *Очерки истории Казаньского университета*, Kazań 2002, s. 123.

ale i symboli. Odbiór statutów zależał i nadal zależy od pojmowania społecznej roli uniwersytetu jako takiego i ogólnej tendencji rozwoju społecznego. Autor konstatuje, że z czasem statut uniwersytecki z symbolu autonomii korporacji uniwersyteckiej przekształcił się w symbol adekwatnej uniwersyteckiej polityki władz.

Sergey Posokhov

Statutes the universities of the Russian Empire nineteenth century, as a right and as symbols

Summary

The article focuses on one of the document types that have a wide distribution and international context – the statutes of Russian universities nineteenth century. In large part this is related to the fact that the statutes functioned not only as a right, but also as a symbols. Reception statutes depended and still depends on understanding the social role of the university as a whole and the general trend of social development. The author concludes that over time the university's statute from symbol of autonomy university's corporation was transformed into a symbol an adequate university's policy of authorities.

